

Закончив смазывать руку, Шэнь Фан перешел к ноге. Присев перед Шэнь Цинчи, он настолько сосредоточился на обработке раны, что не заметил, как оказался в таком положении между его коленями. Только закончив, он поднял голову и осознал, где находится.

Подняв взгляд, он встретился глазами с Шэнь Цинчи, который смотрел на него с недоумением, не понимая, почему тот не встает:

— Дядя?

Шэнь Фан вздрогнул.

Он быстро убрал руку с ноги юноши, резко встал и, смущенно отвернувшись, пробормотал:

— Почему ты не напомнил мне?

Шэнь Цинчи недоуменно посмотрел на него:

— Напомнить о чем?

Шэнь Фан промолчал.

Ладно.

Не стоило ожидать от этого ребенка понимания.

Он сам был виноват. Вместо того чтобы попросить Шэнь Цинчи поднять ногу, он сам опустился перед ним.

Шэнь Фан поспешил сменить тему:

— По дороге домой я зашел купить еды. Пойдем, поедим.

Обед на этот раз не состоял из закусок из KTV. Видимо, Шэнь Фан зашел в какой-то ресторан, чтобы взять еду с собой. Неудивительно, что он так долго отсутствовал.

Еда была вкусной, но Шэнь Цинчи все же считал, что блюда, приготовленные самим дядей, были лучше.

После обеда зуд на теле Шэнь Цинчи полностью прошел. После нанесения мази кожа ощущала приятную прохладу. Сидя на диване и листая телефон, он наткнулся на новости о «настоящем и фальшивом молодых господах» и вдруг вспомнил:

— Кстати, дядя, я давно хотел спросить. Почему тот парень, который приносил молоко, помог нам? Если бы обнаружили, что мы действовали заодно, это было бы опасно. Ты дал ему деньги?

Шэнь Фан ответил:

— Я не давал ему денег, но у него была причина помочь.

Шэнь Цинчи удивленно моргнул:

— Какая?

— Такой любопытный? — Шэнь Фан приподнял бровь. — Могу рассказать. Три года назад, когда

он только начал приносить нам молоко, он был в твоём возрасте. Меня удивило, что такой молодой парень работает разносчиком молока. Я стал за ним наблюдать и обнаружил, что утром он разносил молоко, днём работал ещё на нескольких работах, а вечером подрабатывал в баре.

— А учёба?

— Я тоже спросил его об этом. Он сказал, что у него нет денег на учёбу. Его родители умерли, и он с сестрой жил вдвоем. В старших классах он одновременно учился и работал, чтобы заработать на их обучение. Но его сестра внезапно заболела, и срочно понадобились деньги на операцию. Тогда он решил бросить университет и занялся подработками, чтобы собрать нужную сумму.

Шэнь Фан сделал паузу:

— Я спросил, сколько нужно на операцию. Он сказал — двести тысяч. Я также спросил, сколько его сестра сможет продержаться без операции. Он ответил, что не знает, но хотел попробовать.

Шэнь Цинчи удивленно воскликнул:

— Как так?..

Шэнь Фан продолжил:

— Его сестра хорошо училась, она могла бы поступить в престижный университет. Я подумал, что было бы жаль, если бы она умерла, поэтому заплатил за операцию двести тысяч. Её брат был мне бесконечно благодарен и сказал, что обязательно вернет деньги. Я ответил, что не нужно, но попросил его продолжать приносить нам молоко, а деньги за молоко он мог оставлять себе.

Шэнь Цинчи был тронут:

— Дядя, ты такой добрый.

Похоже, Шэнь Фан не только любил заботиться о больных и раненых животных, но и помогал людям, оказавшимся в трудной ситуации.

— Да? — Шэнь Фан усмехнулся, принимая этот «комплимент». — Его сестра сейчас учится в университете, в Университете Цин, на год старше тебя. Кстати, его зовут Мяо Ван.

— Фамилия Мяо? — Шэнь Цинчи широко раскрыл глаза. — Тогда его сестру, наверное, зовут... Мяо Мяо?!

Неужели такое совпадение?

— Да, ты, вероятно, уже встречал её, — сказал Шэнь Фан. — Мяо Мяо сейчас заместитель председателя студенческого совета. Если у тебя будут проблемы в университете, обращайся к ней. Я также поговорил с ректором, и тебя будут опекать. Конечно, после всего произошедшего это неизбежно.

Шэнь Цинчи слушал его и чувствовал, как что-то не так. У него возникло плохое предчувствие:

— Дядя...

— Что касается Шэнь Цзина, Чжу Чжэнцзюань и Чжоу Ванъяня, они сейчас проходят проверку. Шэнь Цзин наверняка занят их делами и вряд ли найдет время, чтобы тебе мешать. Сейчас общество внимательно следит за этой историей, и он не настолько глуп, чтобы в такой момент что-то предпринимать.

Шэнь Фан спокойно смотрел на него:

— Шэнь Цинчи, ты свободен. Теперь ты можешь спокойно учиться в университете. Я выполнил свое обещание, так что на этом мы расстаемся. В будущем нам больше не нужно встречаться.

Нехорошее предчувствие оправдалось. Шэнь Цинчи почувствовал панику:

— Я...

— Возьми эту карту, — Шэнь Фан вручил ему банковскую карту, снова прервав его. — Я думаю, у тебя скоро закончатся деньги, и Шэнь Цзин больше не будет тебе помогать. На этой карте достаточно средств на четыре года учебы. Я изменил пароль на твой день рождения. Если ты сегодня не вернешься в университет, снимай номер в отеле. Твои вещи, которые остались у меня, я соберу и завтра привезу тебе в университет.

Закончив объяснять, Шэнь Фан встал, не давая ему возможности возразить, будто боясь, что передумает, и вышел из комнаты.

Шэнь Цинчи смотрел на карту в руке, ошеломленный.

Что это было?

Это что... отступные?

Шэнь Фан резко закрыл дверь, его пальцы дрожали.

Это прощание было слишком внезапным.

Он не планировал так быстро расставаться с Шэнь Цинчи. Он думал подождать еще пару дней, пока шумиха уляжется, или пока сам Шэнь Цинчи не решит переехать, и тогда они могли бы постепенно прекратить общение.

Но слова юноши задели его.

Теперь Шэнь Цинчи был свободен. При всеобщем внимании Шэнь Цзин не сможет ему навредить или следить за ним. Он мог спокойно и уверенно войти в университетскую жизнь, наслаждаясь тем, что ему положено.

А не продолжать жить с ним, скрываясь, опасаясь, думая, не заметят ли их в больнице... Такую жизнь он мог пережить один, не нужно было втягивать в это ребенка.

Поэтому, говоря о Мяо Мяо, он невольно заговорил о расставании.

Шэнь Цинчи больше не нуждался в его защите.

В следующие четыре года учебы Мяо Мяо будет поддерживать его, и его никто не обидит. Ректор будет о нем заботиться, и он не столкнется с несправедливостью. Учеба — его сильная сторона, и в будущем он обязательно добьется успеха... Это та жизнь, которой он заслуживает.

После ухода из семьи Шэнь он обязательно будет жить хорошо.

Шэнь Фан прислонился к стене, запрокинул голову и закрыл глаза, едва слышно вздохнув.

Он так много раз хотел избавиться от этого бремени, но почему сейчас, когда он это сделал, ему совсем не радостно? Он должен уйти, раз и навсегда, но почему он стоит здесь, не двигаясь, словно чего-то ожидая?

В ту дождливую ночь, когда он приютил Шэнь Цинчи, он не ожидал, что все пойдет так далеко.

В этом ребенке была какая-то магия, которая притягивала его взгляд. Закрыв глаза, он видел перед собой тонкие черты лица юноши, и ощущение от прикосновения к его лодыжке все еще сохранялось. Это теплое и хрупкое тело, казалось, было в его руках.

Шэнь Фан дрогнул, поспешно прекратив воспоминания. Он повернул голову, но в комнате по-прежнему не было никаких звуков. Шэнь Цинчи, видимо, не собирался за ним выходить.

Мысль «если он выйдет и попросит меня остаться, я сразу соглашусь» постепенно угасла. Шэнь Фан горько усмехнулся, подумав, что кошки всегда остаются кошками. Их невозможно приручить, они не зависят от хозяев и следуют за людьми только ради еды и защиты.

Маленький неблагодарный.

Но, может, это и к лучшему. По крайней мере, кошка сможет жить хорошо, а что будет с хозяином, ее не волнует.

Наверное, Шэнь Цинчи даже не считает их расставание чем-то неправильным. Ведь с самого начала он говорил, что останется только до начала учебы.

Слегка разочарованный, он направился к лестнице. Сделав пару шагов, он вспомнил, что вышел слишком поспешно и забыл напомнить Шэнь Цинчи принять лекарство от аллергии еще раз. Он взял телефон, чтобы написать ему сообщение.

Набрав несколько слов, он вдруг осознал — ведь они договорились не поддерживать связь. Зачем тогда напоминать?

<http://bllate.org/book/16296/1469608>